

© 2016 г.

Е.П. КУДРЯВЦЕВА

ИЗМЕНЕНИЕ РЕЖИМА ЧЕРНОМОРСКИХ ПРОЛИВОВ ПО ЛОНДОНСКИМ КОНВЕНЦИЯМ 1840 и 1841 годов

Внешней политике России на Ближнем Востоке и в регионе Черноморских проливов всегда уделялось повышенное внимание российского МИД. Это был регион традиционно устойчивых геополитических интересов российского правительства, обусловленных необходимостью обороны южных причерноморских границ России, расширения ее политического присутствия на Ближнем Востоке и в Турции, укрепления влияния на православное население Балканского полуострова и православные патриархаты, а также развития русской торговли через Босфор и Дарданеллы. Проблема Проливов в общем комплексе Восточного вопроса всегда занимала первое место.

Конвенции, заключенные в Лондоне в 1840 и 1841 гг., явились важнейшими межгосударственными соглашениями, главным результатом которых стало изменение международно-правового статуса Черноморских проливов. Конвенции появились вследствие обострения Восточного вопроса в конце 30-х годов XIX в. и призваны были урегулировать турецко-египетский кризис, возникший в результате сепаратистских выступлений египетского паши Мухаммеда Али. Однако самым значимым последствием этих европейских соглашений явилось изменение статуса Босфора и Дарданелл, формально принадлежавших Османской империи и многие десятилетия бывших предметом спора между великими державами.

Две Лондонские конвенции, заключенные 3(15) июля 1840 и 1(13) июля 1841 гг., стали результатом двух международных конференций с участием целого ряда европейских держав – Англии, Австрии, России, Пруссии, Турции, а также Франции, приглашенной к заключению лишь второй из конвенций. Эти конференции были единственными международными совещаниями, рассматривавшими проблему Проливов, которые были предприняты на протяжении всего периода, охватывавшего годы от Венского конгресса 1815 г. и до Парижского мира 1856 г. и получившего название Венской системы международных отношений. Их решения имели большое влияние на дальнейший ход европейских событий, расклад международных сил и урегулирование Восточного вопроса в целом.

От европейской публицистики того времени и до сегодняшней отечественной и зарубежной историографии не прекращается дискуссия о роли Лондонских конвенций для последующего развития международных событий в Европе и на Востоке, а также о тех последствиях для внешней политики Российской империи, которые стали результатом решений, принятых в Лондоне. Мнение политических деятелей своей эпохи и более поздние оценки исследователей обычно сводятся к двум диаметрально противоположным точкам зрения, которые заключаются либо в полной поддержке решений, легших в основу конвенций, либо в отрицании их положительной роли для стабилизации международной обстановки своего времени¹. Целью данной работы является

Кудрявцева Елена Петровна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

рассмотрение ретроспективы событий, современных заключению конвенций, а также оценка результатов нового расклада сил в европейских международных отношениях, претерпевших изменения после начала практического действия конвенций в международном праве.

Необходимость заключения новых международных договоренностей по Восточному вопросу возникла в конце 30-х годов в связи с началом турецко-египетского кризиса, разразившегося в результате выступления мятежного египетского паши против своего суверена. Известно, что Мухаммед Али являлся полновластным хозяином Египта, уже не раз предпринимавшим попытки полностью отложиться от власти султана. Последняя перед кризисом попытка относилась к 1833 г., когда на помощь султану Махмуду II пришла Россия, выслав в Босфор свой флот с десантом на борту. В результате этого морского похода был заключен Ункяр-Искелесийский договор, предусматривавший в случае военной угрозы третьих стран перекрытие Портой Дарданелльского пролива, что, безусловно, отвечало интересам России, избегавшей в этом случае угрозы вторжения со стороны южных морских границ государства. В случае нападения на Османскую империю, Россия со своей стороны обязалась прийти на помощь султану, выслав в Проливы свой флот и войска². Таким образом, само обещание военной помощи Порте уже подразумевало возможность прохода через Проливы военных русских судов, хотя именно в таких выражениях эта возможность в тексте русско-турецкого договора 1833 г. не обозначалась. В дальнейшем эти пункты договора подвергались наибольшим интерпретациям как со стороны современных политиков, так и историков, изучавших международное морское право и русско-турецкие отношения в целом.

Неудивительно, что при таких возможных последствиях Ункяр-Искелесийского договора, когда вмешательство России в восточные дела допускалось международным соглашением, к тому же достаточно широко толковавшим степень присутствия русского флота в Проливах, противодействие русско-турецкому сближению со стороны европейских держав достигло своего максимума. Оно проявилось в требовании со стороны правительств Англии и Франции признать договор «несуществующим»³. В своем официальном ответе российский МИД предложил считать «несуществующим» демарш западных кабинетов. «Большой испуг» 1833 г. заставил одну из наиболее заинтересованных сторон – Великобританию – бросить все ресурсы на вытеснение России из Юго-Восточной Европы, поскольку лондонский кабинет воспринял договор как поражение британской политики в Турции⁴. В значительной степени это

¹ Горяинов С. Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907; Нольде Б. Э. Внешняя политика. Исторические очерки. Пг., 1915; Гагарин С. Константинопольские проливы. – Русская мысль, 1915, № 4; Покровский Н. Константинополь. Внешняя политика. М., 1919; Дранов Б. А. Черноморские проливы. М., 1948; Георгиев В. А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х – начале 40-х годов XIX в. М., 1975; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978; Виноградов В. Н. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985; Михайлов В. Б. Восточный кризис 1839–1841 годов и русско-английское сближение. В преддверии революций 1848–1849 годов. – История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1995; Кудрявцева Е. П., Пономарев В. Н. Закрытие Проливов для военных судов: от Лондонских конвенций до Берлинского трактата (1840–1878 гг.). – Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999; Puryear V. J. England, Russia and the Straits Question 1844–1856. Berkeley, 1931; Ingle H. N. Nesselrode and Russian Rapprochement with Britain, 1836–1849. London, 1976; Anderson M. Russia and the Eastern Question. Europe's Balans of Power 1815–1848. London, 1979; Le Donne J. The Russian Empire and the World. 1700–1917. The Geopolitics of Expansionism and Containment. Oxford, 1997.

² Юзефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869, с. 94.

³ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. Канцелярия, оп. 469, д. 14, л. 39 об. Copie d'une note adressee de la part de la Porte aux ambassadeurs de la France et d'Angleterre, le 20 septembre 1833.

⁴ Виноградов В. Н. Восточный вопрос и англо-русские отношения в 30-е годы XIX века. – Советское славяноведение, 1982, № 3, с. 12.

объяснялось не столько самими условиями открытых и секретных статей трактата, сколько возможностью его широкого толкования в будущем. Так или иначе, русско-турецкий договор был воспринят на Западе как крупная победа России, приведшая к значительному изменению расстановки сил в ее пользу на Востоке. Ближайшей задачей европейских держав стало аннулирование статей трактата любым путем – одним из них было «погружение» этих статей в коллективную договоренность держав с Портой, которая ликвидировала бы при этом преимущества одной страны – России.

Некоторые успехи западных держав на этом пути были достигнуты уже в ближайшее время: в 1833 г. состоялось заключение Мюнхенгрецкой конвенции между Российской и Австрийской империями. Сущность ее такова: Россия и Австрия обязывались поддерживать существование Османской империи и «противостоять общими силами всякой комбинации, которая наносила бы ущерб правам верховной власти в Турции»⁵. Другими словами, Россия по собственной инициативе пригласила участвовать в соглашении по Турции третью державу – Австрию, несмотря на то, что главным преимуществом России в ее взаимоотношениях с османским правительством всегда был именно двусторонний характер их договоренностей. Опасаясь изоляции после враждебно встреченного русско-турецкого договора 1833 г., российское руководство серьезно полагало, что, заручившись поддержкой Австрии, ее можно заставить следовать в русле русской внешней политики. На деле же Мюнхенгрецкая конвенция явилась первой после успеха в Константинополе уступкой российского кабинета западным державам, тем шагом, который привел к дальнейшему отступлению от политики интересов России на Ближнем Востоке. Таким образом, именно Мюнхенгрецкая конвенция открыла дорогу пересмотру условий русско-турецкого соглашения.

Для российского руководства Ункяр-Искелесийский договор представлял уникальную возможность расширения своего влияния в Османской империи, прежде всего в районе Проливов и Балканского полуострова. В какой-то степени условия договора являлись продолжением двух предыдущих русско-турецких соглашений – 1799 и 1805 гг., – предоставлявших России право проведения через Проливы своего военного флота. Лишившись этих преимуществ в результате русско-турецких войн 1806–1812 и 1828–1829 гг., Россия частично возвращала себе бывшие позиции на Востоке, что было связано прежде всего с условиями военного присутствия в Проливах. Подобного преимущества были лишены заинтересованные западные державы – Англия и Франция, традиционно опасавшиеся за будущую судьбу Константинополя и возможность своего дальнейшего экономического наступления на обширные территории Османской империи. Вслед за Адрианопольским миром 1829 г. Ункяр-Искелесийский договор явился крупнейшей победой российской дипломатии, а по мнению ряда исследователей, благодаря ему русское влияние в Турции достигло своего апогея. Именно это преимущество Россия потеряла в результате заключения двух Лондонских конвенций⁶.

В конце 30-х годов центр тяжести европейской политики был перенесен на Ближний Восток, где с новой силой разразился конфликт между Махмудом II и Мухаммедом Али, который уже давно безраздельно правил в Египте и Сирии, лишь номинально подчиняясь турецкому султану. Египетский паша был заинтересован в окончательном отделении от Турции и официальном признании Портой его прав наследственного владения этими территориями. Военный конфликт был развязан османским правительством, которое надеялось на поддержку Великобритании. Английская дипломатия со своей стороны пыталась дискредитировать русско-турецкое соглашение в глазах Порты, которая, по мнению сент-джеймского кабинета, должна была ориентироваться на союз с Великобританией. В достаточно неопределенной форме министр иностранных дел Англии лорд Пальмерстон обещал Порте поддержку в виде заключения наступав-

⁵ Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. IV. СПб., 1878, с. 445.

⁶ Дебидур А. Дипломатическая история Европы, т. 1. М., 1947, с. 114.

тельного союза – в противовес оборонительному русско-турецкому соглашению. Это предложение показалось привлекательным для султана, который был не прочь сменить союзника, если это послужит его честолюбивым планам по началу военной кампании против египетского пашы⁷. Затянувшиеся переговоры не привели к заключению альянса, но османское правительство уже переориентировалось на британского союзника. К тому же французское правительство, ранее открыто оказывавшее поддержку египетскому владыке, неожиданно выступило с заявлением о том, что не одобряет его сепаратистских устремлений. Таким образом, султан смог заручиться косвенной поддержкой еще одной европейской державы, противодействие которой было ожидаемо в первую очередь⁸. Несмотря на англо-французские разногласия в методах решения ближневосточного кризиса и в целях, преследуемых этими державами в регионе, они были солидарны в стремлении противостоять укреплению России на Ближнем Востоке.

Европейские державы решили не повторять ошибки 1833 г.: если Россия придет на помощь султанскому правительству и займет Константинополь, то уже не уйдет отсюда – таков был лейтмотив противодействия держав России. Поскольку мятежный паша издавна пользовался неприкрытой поддержкой правительства французского короля Луи Филиппа, которому было выгодно создание новой арабской державы на Востоке, где влияние Франции стало бы преобладающим, то Англия намеревалась действовать в пользу султана независимо от позиции французского союзника. Одновременно англичане опасались сближения между Петербургом и Парижем, считая их союз «величайшей опасностью для Европы». Действительно, цели этих двух держав выглядели близкими – и та, и другая имели в турецких владениях точки опоры своего влияния и, формально выступая за сохранение целостности Османской империи, вполне могли содействовать образованию на ее развалинах новых государств, полностью обязанных своей независимостью покровительствующим державам – России и Франции.

На первом этапе кризиса российское правительство безоговорочно отвергло предложение об общем договоре по турецким делам. Предложение о созыве конференции в Вене, исходившее от австрийского канцлера К. Меттерниха, русской стороной принято не было. Петербург явно давал понять, что заинтересован в скорейшем урегулировании турецко-египетского конфликта без вмешательства европейских держав. По мысли российского вице-канцлера К. В. Нессельроде, Россия могла присоединиться только к частному соглашению, касающемуся непосредственно взаимоотношений между султаном и пашой⁹. Непременным условием русской стороны было закрытие Дарданелльского пролива как в мирное, так и в военное время. К тому же с началом конфликта российское правительство еще взвешивало возможность своего участия в нем на стороне султана. В одной из аналитических записок Нессельроде развил свои соображения следующим образом: Мухаммед Али «является лишь номинальным ее (Порты. – *Е.К.*) вассалом. К тому же разрыв уз, соединяющих Египет с Оттоманской империей, конечно, не является событием, о котором мы стали бы сожалеть. Порты от этого стала бы лишь слабее. Она тем паче чувствовала бы нужду в нашем покровительстве и союзе с нами»¹⁰. Таким образом, с обострением кризиса в Петербурге пытались проанализировать создавшуюся на Востоке обстановку и выявить свое место в новой расстановке сил.

Однако уже 31 мая 1839 г. в своем докладе российскому императору вице-канцлер меняет оценку сложившейся ситуации, вполне резонно отвергая возможность единоличного вмешательства России в турецко-египетскую распрю: «Кажется очевидным, что мы не сможем прийти на помощь султану, заранее не приготовившись к столкновению с Англией на театре событий, центром и целью коих станет Константино-

⁷ Виноградов В. Н. Британский лев на Босфоре. М., 1991, с. 62.

⁸ Международные отношения на Балканах. М., 1990, с. 34.

⁹ Горяинов С. Указ. соч., с. 47.

¹⁰ АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 469, 1839, д. 229, л. 98–99.

поль»¹¹. Здраво оценив вероятность конфронтации с Великобританией, Нессельроде, тем не менее считал возможным, отступив от имевшегося русско-турецкого договора, достичь встречных позитивных шагов со стороны Англии. Он предполагал – и совершенно беспочвенно, – что когда новое соглашение с Великобританией вступит в силу, «мы будем иметь достаточную возможность громко заявить Англии: “Мы должны обеспечить свою собственную безопасность и безопасность Турции, поэтому нам необходимо, чтобы Черное море не было открыто для иностранных военных кораблей”»¹². Трудно представить, что такой многоопытный политик, каким был Нессельроде, действительно верил в возможность подобного развития событий; на деле, встав на путь уступок по важнейшему для России внешнеполитическому вопросу, русская дипломатия уже не могла сойти с него, и каждый новый шаг лишь усугублял положение. Нессельроде пытался доказать императору Николаю I, что только совместное выступление держав способно устранить возможные конфликты, связанные с преобладающим влиянием России на Турцию. К тому же приближался к концу восьмилетний срок действия русско-турецкого соглашения, досрочное завершение которого могло быть спровоцировано недружественными действиями европейских держав. По мысли Нессельроде, новый договор должен был сохранить для России все выгоды прежнего, поддержав его новой – уже коллективной – гарантией держав.

Английские представители в Константинополе проявили большую активность, чтобы перехватить у России инициативу по урегулированию кризиса. Пальмерстон полагал, что единственным средством ослабления позиций России, вытекавших из условий договора, является «погружение его в какой-либо более общий уговор такого же рода»¹³. Для этого европейские правительства заняли позицию грубого вмешательства во внутренние дела Османской империи без учета ее интересов. По сведениям российского МИД, Порты была готова заключить соглашение с Мухаммедом Али на условиях передачи ему прав наследования всех областей, на которые он претендовал. Уполномоченные Порты уже намеревались выехать в Александрию, когда последовало вмешательство пяти европейских держав в форме ноты константинопольских посланников османскому правительству¹⁴. Эта нота была подписана 27 июля 1839 г. представителями Австрии – Штюмером, Англии – лордом Понсонби, Франции – Руссеном, Пруссии – Кёнингсмарком и посланником России А. П. Бутеневым. В ней говорилось, что «солидарность пяти великих держав по восточному вопросу является обеспеченной и... им поручено просить Блистательную Порту воздержаться от принятия без их содействия каких бы то ни было окончательных решений»¹⁵.

В отечественной историографии бытует мнение, что из-за оплошности российского посланника Бутенева, присоединившегося к ноте вопреки позиции, занятой петербургским кабинетом, Россия была вынуждена и в дальнейшем следовать в фарватере англо-французских инициатив. Это мнение основано на том, что участие Бутенева в подписании ноты вызвало негодование императора Николая I. Однако настроения российского МИД и его главы Нессельроде к этому времени вполне сформировались в пользу общих европейских мер в Турции, и российские власти к моменту подписания ноты уже не хотели остаться в изоляции, понимая, что двусторонние русско-турецкие переговоры невозможны. Таким образом, подпись Бутенева под документом не носила фатального характера, якобы способствуя передаче исключительных отношений императора и султана в руки европейского «концерта». Действительно, российский посланник не имел четких инструкций поведения при данном сценарии развития событий. Но уже 7 августа Нессельроде представил императору доклад об опасности дипломатической изоляции России в восточном вопросе. «Договор, заключенный

¹¹ Там же, л. 100.

¹² Цит. по: *Виноградов В. Н.* Великобритания и Балканы, с. 195.

¹³ *Татищев С. С.* Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887, с. 428.

¹⁴ АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 469, д. 229, 1839, л. 258 об.–259.

¹⁵ Цит. по: *Георгиев В. А.* Указ. соч., с. 93.

без нашей поддержки, — говорилось в нем, — полностью изолирует нас от остальных дворов и... объединит великие державы под предлогом оказания помощи Порте»¹⁶. Россия должна была окончательно отказаться от плана закончить дело двусторонним соглашением, тем более что и Порты была намерена обратиться к европейским представителям, среди которых, впрочем, России отводилось видное место.

После того, как европейские уполномоченные выступили единым фронтом, Нессельроде решил урегулировать вопрос взаимоотношений с султаном в Великобритании, сочтя возможным выгодно «продать» в Лондоне «залежалый товар» — договор 1833 г., срок действия которого заканчивался, в обмен на вхождение в коалицию держав по делам Востока. Считая, что договор 1833 г. «связывает нас по рукам и ногам», Нессельроде предвидел, что Россия, оставшись в одиночестве, будет терять свои позиции на Ближнем Востоке, а западные державы — приобретать все более выгодное положение. Вице-канцлер решил действовать на опережение событий и имел на своей стороне некоторых союзников, к которым относился его протеже и коллега барон Ф. И. Бруннов.

Филипп Иванович Бруннов, до этого занимавший пост посланника при вюртембергском, а затем гессен-дармштадтском дворах, был направлен в Лондон в начале сентября 1839 г. Он имел поручение провести переговоры с британским руководством о возможной замене Ункяр-Искелесийского договора коллективной конвенцией по Восточному вопросу. К этому подталкивали российский двор западные державы, активно вмешавшиеся в турецко-египетскую распрю, к этому же склонял императора глава российского МИД, считая Ункяр-Искелесийский договор помехой к налаживанию отношений с Европой. Сам Филипп Иванович был сторонником нового договора, к тому же он питал явную симпатию ко всему «британскому», будучи англофилом. Приобретя благоволение Нессельроде умением составлять дипломатические бумаги, Бруннов ставил форму выше содержания, что и было продемонстрировано в период его пребывания в Англии. В отечественной литературе Филипп Иванович характеризуется как космополит, приверженец системы равновесия сил, любитель конференций и конгрессов¹⁷. Б. Э. Нольде дает Бруннову следующую характеристику: «Человек ума изворотливого и тонкого, любитель и знаток дипломатической казуистики и логики, без крупной программы и крупных мыслей, но с огромным опытом, цепкой аргументацией и выдающейся проницательностью, дисциплинированный и осторожный, но вкрадчивый и влиятельный, умевший незаметно и любезно внушать и своим, и чужим свои мысли и свое понимание»¹⁸. Современники также не жаловали Филиппа Ивановича. Проницательная княгиня Д. Х. Ливен говорила о нем: «Это пустой человек, который принесет много вреда своей деятельностью», а австрийский дипломат Ф. Нейман утверждал, что никогда не встречал человека более робкого и раболепного, чем российский представитель в Лондоне. К России Бруннов не питал сильной привязанности, проведя много лет за границей на дипломатической службе. В политике был неуклюж, не являясь мастером дипломатической игры. Поскольку настоящим «коньком» Бруннова была канцеляристика, ему приписывают составление многочисленных — более 20 (!) — вариантов текстов, ставших позже Лондонскими протоколами. При этом Филипп Иванович грешил изобретением новых понятий в международном праве — так, ему приписывают авторство термина «древнее право Оттоманской Порты закрывать проливы для иностранных судов», которое не фигурировало ранее в официальных русско-турецких документах. Таким образом, международное сообщество многим обязано Бруннову в деле лишения России ее многолетних преимуществ, защищать которые было его прямой обязанностью по прибытии в Лондон.

Бруннов привез в Лондон инструкции российского МИД, следовать которым должен был в ходе встреч с британским руководством. Эти инструкции предполагали:

¹⁶ Там же, с. 97.

¹⁷ Георгиев В. А. Указ. соч., с. 105; Виноградов В. Н. Британский лев на Босфоре, с. 65.

¹⁸ Нольде Б. Э. Указ. соч., с. 81.

1) обсуждение закрытия Босфора и Дарданелл как во время мира, так и в военное время; 2) отказ Великобритании от ввода эскадры в Мраморное море одновременно с появлением русского военного флота в Босфоре; 3) обсуждение возможности «морской прогулки» в Александрию без участия Франции, а также 4) отказ великих держав от общего ручательства за целостность Османской империи, т. е. этот вопрос по-прежнему оставался в компетенции двух причерноморских империй¹⁹. Договариваясь о будущем турецко-египетском соглашении, российские власти выговаривали себе право послать свой флот в Босфор, действуя от имени всех заинтересованных держав, в то время, как английская эскадра должна была вести военные действия против Ибрагим-паши, который возглавлял египетскую армию. Это условие также сохраняло преимущество России, поскольку даже подчиняя действия своего флота общим интересам держав, она удерживала за собой право выступать на Босфоре «единолично». Только на этих условиях Бруннов имел полномочия начать разговор об отказе России от условий Ункяр-Искелесийского договора. Таким образом, план, с которым российский представитель прибыл в Лондон, вполне отвечал намерению российского двора заменить соглашение 1833 г. общим договором, не потеряв его выгод. Однако не так получилось на деле.

Первая Лондонская конференция начала свою работу в декабре 1839 г., при участии пяти европейских держав и Турции. Посол Франции на начальном этапе заседаний был полноправным членом этого международного собрания. «История эта описывалась много раз, но некоторые ее узлы трудно распутать и по сей день», — справедливо пишет Ч. Вебстер, имея в виду сложность и многосторонность ведущихся переговоров²⁰. Поскольку Бруннов сразу же раскрыл карты и выразил готовность российского правительства поступиться своими правами в Турции, британское руководство не могло упустить такой счастливой возможности воспользоваться предложением России. Все исследователи едины во мнении, что англичане были «изумлены» предложениями Бруннова. Он докладывал Нессельроде о своей первой встрече с английским министром: «Вы не можете себе вообразить, какое впечатление мое заявление произвело на лорда Пальмерстона. По мере того, как я раскрывал перед ним намерения и взгляды нашего августейшего повелителя, черты его выражали столь же чувство изумления, сколь и восхищения»²¹. Австрийскому послу в Лондоне П. Эстергази английский министр заявил о том, что, по его мнению, следует принять русские предложения: «Это случай уникальный, он может не повториться, и упускать его нельзя. Если мы выльем ушат холодной воды на добрую волю императора, он заявит нам в следующий раз: вы не приняли моих предложений; ваш отказ освобождает меня от совместных с вами действий; отныне я буду поступать, как считаю необходимым и полезным»²². Пальмерстон считал, что следует воспользоваться расположением России, чтобы «ввести оттоманский вопрос в европейское народное право. Для всех нас, — признавался он, — будет великою выгодой уничтожить без борьбы этот исключительный протекторат».

В то же время было очевидно, что российское правительство отказывается от своих преимуществ небескорыстно: выдвинутые им условия должны были восполнить некоторые неизбежные потери. Однако ни одно из предложений Бруннова не было принято; англичане, почувствовав готовность российской дипломатии пойти им навстречу, начали торг, в результате которого первая редакция будущей Лондонской конвенции претерпела существенные изменения. При обсуждении общих вопросов Бруннов совершенно необоснованно считал, что Англия «идет на поводу» у России, что Пальмерстон уступчив, любезен и чуть ли не «русофил». В английской прессе даже появились утверждения, что статс-секретарь «продался России». Эта внешняя добро-

¹⁹ Татищев С. С. Внешняя политика России в эпоху Крымской войны. — Русский вестник, 1886, № 7, с. 198.

²⁰ Цит. по: Международные отношения на Балканах, с. 39.

²¹ Цит. по: Виноградов В. Н. Великобритания и Балканы, с. 202.

²² Цит. по: там же, с. 205.

желательность была принята Брунновым за слабость и уступчивость англичан, в результате чего российский представитель заявил: «Английское правительство, с одной стороны, боится, что император пошлет свою эскадру в Константинополь, с другой, столько же, а может быть, даже больше, еще боится, что он ее не пошлет», намекая на слабость Османской империи и возможность ее разрушения без русской поддержки²³.

В беседах с Брунновым Пальмерстон выказал выдающиеся дипломатические качества – умение очаровать собеседника и благодаря этому навязать свои условия представляемой им державе. При этом российский посол искренне считал, что в английском правительстве всё в большом беспорядке, никто ничего не решает, что Пальмерстон даже не в состоянии написать инструкцию своему представителю в Петербурге и поэтому обращается к Бруннову за помощью. Под влиянием этих впечатлений, не отвечавших действительности, составлялись докладные записки в российский МИД и лично императору, который был в восторге от находчивости и проницательности своего дипломата в Лондоне. С английской стороны, безусловно, плелась тонкая интрига. Прежде всего Пальмерстон постарался использовать русско-французские противоречия. Зная о нежелании российского императора привлекать к будущему соглашению Францию, английский министр иностранных дел решил одним выстрелом убить двух зайцев, сыграв на неприязни российского императора к Июльской монархии. Ближневосточная политика английского кабинета была направлена на подрыв позиций как России, так и Франции, поэтому Пальмерстон стремился уничтожить Ункяр-Искелесийский договор, приносивший выгоды петербургскому двору, и вытеснить из Сирии Мухаммеда Али, пользовавшегося поддержкой французского правительства²⁴.

Опасаясь распада Турции на две части, одна из которых, куда входили Египет и Сирия, достались бы Франции, а европейская – России, Пальмерстон открыто писал об этом главе кабинета лорду Мельбурну 23 июня (5 июля), т. е. накануне подписания Лондонской конвенции. Упрямство Франции в желании решить турецко-египетскую распрю в пользу Мухаммеда Али может «спугнуть» Россию, считал английский министр, и она опять может занять «отдельное и одинокое положение» по отношению к Восточным делам. В результате может возобновиться Ункяр-Искелесийский договор и восстановлено «отдельное покровительство» России над Турцией, «которое так долго возбуждало основательные зависть и опасения прочих европейских держав²⁵. Это письмо отчетливо характеризует весьма прагматичный подход английского министра иностранных дел, который спешил воспользоваться неожиданной уступчивостью российских политиков, пренебрегая сопротивлением Франции и выражая готовность отказаться от ее согласия вступить в альянс. Франция требовала установления гарантии европейских держав по поддержанию целостности Турции, что было неприемлемо для России. Кроме того, французское правительство было заинтересовано в территориальном расширении владений Мухаммеда Али, претендовавшего на наследственные права на Сирию. Это обеспечивало укрепление позиций Франции в Сирии, где она опиралась на католическое духовенство и общины маронитов, а также имела значительные торговые интересы²⁶. Однако после начала Сирийской экспедиции, когда у берегов Малой Азии начала действовать англо-австрийская эскадра под командованием адмирала Ч. Непира, Франция не оказала своему «клиенту» – Египту – никакой военной помощи. Тьер был вынужден подать в отставку. Англо-французское военное противостояние настолько ясно просматривалось в сложившейся обстановке, что Николай I обещал Англии поддержку в случае начала военных действий против Франции²⁷. Англичане благодарили за столь неожиданное предложение, но явно жела-

²³ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч., т. XII, с. 130, 116.

²⁴ Восточный вопрос..., с. 109.

²⁵ Цит. по: Татищев С. С. Внешняя политика России..., с. 225–226.

²⁶ Георгиев В. А. Указ. соч., с. 118.

²⁷ Восточный вопрос..., с. 114.

ли обойтись без содействия России. После блокады и бомбардировки Бейрута армии Ибрагим-паши, так и не дождавшейся помощи от Франции, пришлось отступить.

Разногласия между «морскими державами» были встречены в Петербурге с восторгом. «Англия еще не с нами, но она уже не с Францией», – докладывал Бруннов в Петербург. Наконец-то орлеанистская Франция оказалась устранена от решения важного политического вопроса. Пальмерстон тем не менее не спешил порывать с союзницей. По мнению английских политиков, Франция слишком укрепила сферу своего влияния на Востоке: она обладала сильным флотом, присоединила Алжир, имела решающее влияние на внутреннюю политику Греции, пыталась расширить свое присутствие в Египте путем передачи Мухаммеду Али Сирии²⁸. Несмотря на то, что противоречия между «морскими державами» сохранялись, общее противодействие России, по мысли Пальмерстона, не должно было надолго разлучить союзников и даже при устранении от решения данного вопроса Франции послужить их общей цели. В своем письме в Париж от 5(17) сентября 1839 г. посол Франции в Лондоне граф Себастиани передавал маршалу Сульту слова Пальмерстона: «Нам хорошо известно, что соглашение с Россией чисто случайное и что оно не помешает в будущем обоим политикам возвратиться на свойственной каждой из них путь»²⁹.

Как показали дальнейшие события, отстранение Франции от подписания Лондонской конвенции 1840 г. явилось следствием отнюдь не русско-французских, а англо-французских противоречий относительно широты предоставляемой Мухаммеду Али власти. Англичане хотели «наказать» французов за несговорчивость и напугать возможной сменой союзника. Одновременно российская дипломатия серьезно – и как оказалось, ошибочно – рассматривала Великобританию в качестве партнера по разделу сфер влияния в Турции и прощупывала вопросы, к которым позже, в 1844 г., вернулся во время своего английского турне в Лондон Николай I. Выдвигаемый Великобританией тезис о закрытии Проливов, который провозглашался «общим началом публичного права Европы», был невыгоден России уже в силу того, что нарушал принцип устранения нечерноморских держав в решении вопроса, подлежащего компетенции исключительно России и Турции. Само предложение о закрытии Проливов для военных судов всех государств исходило непосредственно от Бруннова, первоначально настаивавшего на закрытии Проливов как в мирное, так и в военное время, что имело принципиально важное для России значение. Однако следует признать, что, составляя более двух десятков редакций текстов конвенции и постепенно уступая в переговорах с Пальмерстоном по всем важнейшим для интересов России пунктам, Бруннов действовал скорее в интересах Великобритании.

Таким образом, привезя в Лондон предложения об условиях договора, максимально отвечавших в сложившихся обстоятельствах интересам России, Бруннов пошел на поводу англичан. Еще с 1830 г. правительство Николая I отстаивало тезис о том, что Россия столь же вправе охранять вход в Черное море, сколь Англия – в Средиземное, и господствовать над Босфором, как Англия – над Гибралтаром. В ходе переговоров Бруннов был вынужден умерить амбиции России. Пальмерстон настаивал на введении английского флота в Дарданеллы и Мраморное море одновременно с появлением русских судов в Босфоре – по этому пункту Бруннов уступил. Затем он снял возражения по количеству вводимых англичанами военных судов, не ограничивая их числа. И, наконец, российский представитель согласился с формулировкой о закрытии Проливов только в мирное, а не в военное время, как предполагалось поначалу. Эти уступки привели к тому, что Проливы оказались закрыты для русского флота³⁰.

3(15) июля 1840 г., после 10-месячных интенсивных переговоров, представителями России, Великобритании, Австрии, Пруссии – с одной стороны, и Порты – с другой был подписан акт о соглашении между Турцией и Египтом. Под статьями протокола

²⁸ Виноградов В. Н. Великобритания и Балканы, с. 207.

²⁹ Цит. по: Татищев С. С. Внешняя политика России..., с. 201.

³⁰ Дранов Б. А. Указ. соч., с. 99, 102.

стояли подписи чрезвычайного посланника и полномочного министра России барона Ф.И. Бруннова, уполномоченного Австрии барона Ф. Неймана, статс-секретаря департамента иностранных дел Великобритании лорда Пальмерстона, чрезвычайного посланника и полномочного министра Пруссии барона Г.В. Бюлова и чрезвычайного посла Оттоманской Турции Хекиба-Эфенди. Степень участия представителей Порты определялась словами Пальмерстона о том, что от турецкого посла Хекиба-эфенди требуется лишь держать перо в руке, остальное решалось без него. Египет становился наследственным владением Мухаммеда Али; если он давал на это свое согласие в течение 10 дней, то получал еще пашалык Акры; по истечении этого срока предложение Акры аннулировалось, а еще через 10 дней паша лишался и Египта. Лондонская конвенция состояла из самого текста конвенции, секретного протокола и двух особых протоколов. По статье III конвенции державы обязались защищать турецкую столицу по просьбе султана: «Высокие договаривающиеся стороны... согласились принять приглашение сего государя и озаботиться защитой его престола посредством сообща условленных совместных действий с целью ограждения от всякого нападения обоих Проливов, Босфорского и Дарданелльского, равно как и столицы Оттоманской империи». В статье имелось продолжение вышеприведенного положения: «Эта мера не будет ни в коем отношении отменять старого правила Оттоманской империи, в силу которого военным судам иностранных держав во все времена запрещалось входить в Дарданелльский и Босфорский проливы. Султан... имеет твердую решимость сохранять на будущее время это начало, неотменно установленное как древнее правило его империи и пока Порта находится в мире, не допускать никакого военного иностранного судна в проливы Дарданелльский и Босфорский»³¹.

Таким образом, эти статьи устанавливали новые принципы решения одной из составляющих Восточного вопроса. Вместо двустороннего русско-турецкого соглашения в международное право вводилось понятие коллективной гарантии держав по поддержанию существования Османской империи. Проливы закрывались для военных судов всех держав только в мирное время. Этот вопрос имел два аспекта. Во-первых, сам принцип закрытия обоих Проливов не был выгоден России, имевшей самую непосредственную заинтересованность в свободном выходе своего военного флота из Черного моря. Пальмерстон считал принятие этого условия своей победой: «Порта обеспечена – насколько это может сделать бумага – от незваных гостей из Черного моря», – писал он³². Россия, безусловно, стремилась к закрытию Дарданелл для неприятельских военных судов, но режим Босфора она предпочла бы оговорить отдельно. Во-вторых, закрытие Проливов только в мирное время не гарантировало безопасности российского побережья во время войны. По словам Ч. Вебстера, «Проливы будут закрыты, пока султан находится в состоянии мира, но не всегда, когда он воюет»³³. Наконец, объявляя закрытие Босфора и Дарданелл «древним правилом» султана, конвенция ущемляла права Порты закрывать и открывать Проливы по собственному желанию, как это практиковалось в предыдущее время, т.е. подчиняла их режим международному соглашению. Конвенция, по существу, попирала права наиболее заинтересованных держав – России и Турции. В ближайшей исторической перспективе конвенция привела к ослаблению русского влияния в Османской империи и, что особенно важно, в ее балканских провинциях, населенных православными³⁴. Вкупе с соглашением 1841 г. она послужила прелюдией к обширному международному конфликту начала 50-х годов³⁵.

³¹ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч., т. XII, с. 124, 135.

³² Цит. по: Виноградов В. Н. Великобритания и Балканы, с. 209.

³³ Цит. по: Международные отношения на Балканах, с. 40.

³⁴ Жигарев С. Русская политика в Восточном вопросе. Ее история в XVI–XIX веках. Критическая оценка и будущие задачи, т. 1. М., 1896, с. 446.

³⁵ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой, т. 1. СПб., 1908, с. 280.

О заключенной в Лондоне конвенции во Франции узнали только через два месяца после ее ратификации. Это оскорбило как Луи Филиппа, так и все французское общество. Сразу после известия о состоявшейся Лондонской конвенции, премьер-министр А. Тьер писал французскому послу в России Просперу де Баранту: «Мой дорогой Барант, в Лондоне произошел переворот (*coup de tête*)» – это Россия рассорила Англию и Францию, поскольку именно она выигрывает от этой комбинации больше других³⁶. В другом письме Тьер продолжил тему – по его мнению, Россия довольна, что разорвала связи Франции и Англии, но эта история наверняка будет иметь продолжение, поэтому следует вооружаться³⁷. Примечательно, что тема войны начинает появляться в письмах французских политиков сразу же после известия о заключении Лондонской конвенции. Уже 6 августа 1840 г. Тьер в письме своему петербургскому послу прямо говорит: «Если разразится война, она окажется долгой, она начнется рано или поздно, и Константинополь будет ее причиной»³⁸.

В западной исторической литературе хорошо известна и преобладает точка зрения, что морским державам была выгодна интернационализация Восточного вопроса³⁹, и в этих условиях исключение Франции из числа договаривающихся сторон российское правительство считало своей главной победой. Однако, заслуживает внимания и другое мнение, согласно которому изоляции Франции добивалась, прежде всего, Англия. Пальмерстон последовательно добивался своих целей, главной из которых на тот момент была отставка Тьера. Английского министра раздражала позиция Франции: «Ее слово и желания не должны быть законом для всей Европы»⁴⁰. Таким образом, британский политик хотел воспользоваться неприязненным отношением Николая I к французскому режиму, чтобы окончательно привлечь его к союзу, столь неожиданно предложенному Брунновым в Лондоне. Более того, на упреки французского правительства Пальмерстон отвечал: «Я никогда и не думал разрывать союза с Францией, а в особенности принести его в жертву России. Согласие между нами и Россией состоялось лишь по одному специальному вопросу, а именно Восточному»⁴¹. Конечно, английский министр лукавил – он добился изоляции Франции, с которой у лондонского кабинета было множество противоречий в других регионах – в Испании и Португалии, в Греции и Тунисе, в Турции и Египте. Таким образом, Лондонская конвенция, подписанная без участия Франции, выглядела как победа России, являясь хорошо продуманной комбинацией английского кабинета.

Во Франции, впрочем, вполне отдавали себе отчет в том, кто стоял за кулисами Лондонской конвенции – она была названа «проделкой Пальмерстона», обманувшего Францию в египетском вопросе⁴². Британский министр снискал во Франции славу истинного франкофоба; французское общество в свою очередь было настроено крайне негативно по отношению к английской политике. Пытаясь сохранить лицо, Тьер заявил английскому посланнику в Париже Булверу о том, что Франция не подписала бы принятых державами условий даже при участии в конференции. Всё это предопределило скорое изменение европейских альянсов, способствуя созданию (впрочем, крайне кратковременных) англо-русской и франко-австрийской коалиций.

Кроме названных причин подписания Лондонской конвенции 1840 г. без участия Франции, существовала еще одна, не менее важная – экономические интересы Великобритании на Востоке возрастали с каждым годом. Именно Англия была заинтере-

³⁶ А. Тьер П. де Баранту. 23 июля 1840 г. – Baron de Prosper Barante. *Souvenirs*. Paris. 1895, t. VI, p. 461.

³⁷ А. Тьер П. де Баранту. 22 августа 1840 г. – Ibid., p. 487.

³⁸ А. Тьер П. де Баранту. 6 августа 1840 г. – Ibid., p. 468.

³⁹ *Barlett Ch. Britain and The European Balance.* – *Europe's Balance of Power, 1815–1848*. London, 1979, p. 158.

⁴⁰ *Ingle H. N.* Op. cit., p. 134.

⁴¹ *Татищев С. С.* Внешняя политика России..., с. 211.

⁴² История XIX века. Под ред. Лависса и Рамбо. М., 1938, т. 3, с. 378.

сована в беспрепятственной торговле и открытии морских торговых путей на Восток. Это было очевидно для французского правительства – политические последствия торгового укрепления Англии можно предвидеть, писал Барант в Париж, торговые интересы прямо влияют на политику сент-джеймского кабинета, на его политические альянсы и как результат – на принятие решения о начале войны. Возможность военного разрешения сложившейся ситуации вполне реально просматривалась после конвенции 1840 г.; общие настроения, подогреваемые прессой и поддержанные королем, привели к тому, что во Франции началась подготовка к войне – вокруг Парижа строились оборонительные укрепления, увеличились ассигнования на военные нужды, формировались новые войска.

Николай I придавал особое значение обострению отношений между Францией и Англией вследствие подписания Лондонской конвенции. Он надеялся на превращение англо-французского конфликта в долгосрочный фактор европейской политики, который повысит роль России на основе ее сближения с Англией. Более того, российский император был нацелен на заключение русско-английского союза, в чем его поначалу не поддержал Нессельроде. В декабре 1840 г. Бруннов все же получил инструкции, согласно которым должен был начать переговоры о будущем союзе, но Пальмерстон не захотел развивать предложенную тему, сославшись на то, что такой союз мог бы нарушить баланс сил в Европе, что противоречит принципам британского правительства, и без сомнения будет отвергнут парламентом⁴³. Одновременно Николай I рассчитывал расширить русское влияние на Ближнем Востоке, участвуя в осуществлении принудительных мер против Мухаммеда Али, предусмотренных конвенцией, и даже предложил свой проект атаки на Александрию. «Если британский кабинет примет его план, то император согласен участвовать в исполнении совместно с английскими и австрийскими войсками», – сообщал Нессельроде Бруннову в сентябре 1840 г.⁴⁴

В Петербурге считали Лондонскую конвенцию первым шагом к восстановлению Шомонского союза 1814 г., направленного против Франции. То, что в проигрыше оказалась не одна Франция, но и Россия, прекрасно осознавали в Париже. Министр иностранных дел Франции Ф. Гизо писал позже российскому поверенному в делах Н. Д. Киселеву о конвенции 1840 г.: «То была ваша капитальная ошибка. Дабы изолировать, дабы ослабить правительство Людовика Филиппа, вы отложили в сторону вашу традиционную политику, заключающуюся в том, чтобы вести самостоятельно ваши дела в Турции, без постороннего участия, без соглашения с кем бы то ни было. Вы сами перенесли эти дела в Лондон и договором 15 июля 1840 года собственными руками обратили их в общее дело Европы»⁴⁵.

После подписания конвенции 1840 г. Великобритания окончательно взяла в свои руки инициативу по урегулированию турецко-египетского кризиса. Россию не пригласили участвовать в военных действиях, и это было сделано намеренно. Войска Ибрагим-паши потерпели поражение, и Мухаммед Али вынужден был согласиться лишь на наследственное владение Египтом. Франции было предложено смириться с поражением своего союзника в обмен на приглашение участвовать в общих переговорах по Восточному вопросу. Российское правительство попыталось помешать присоединению Франции к коалиции держав: Бруннов получил инструкции во что бы то ни стало изолировать Францию, но сделать этого не удалось. Российский посол сообщал в Петербург о том, что срыв новых переговоров не в его силах. Во Франции в это время на место воинственно настроенного Тьера пришло правительство премьер-министра Н. Ж. Сульта и министра иностранных дел Ф. Гизо, при которых военная угроза была снята. Даже в Петербурге отдавали себе отчет в том, что завершить дело «замирения» Востока не удастся без участия Франции, которая являлась одним из основных политических игроков в регионе. «Празднование изоляции Франции» сменилось осозна-

⁴³ Ingle H. N. Op. cit., p. 140.

⁴⁴ Цит. по: Георгиев А. В. Указ. соч., с. 133.

⁴⁵ Цит. по: Жигарев С. Указ. соч., с. 448.

нием необходимости ее возвращения в «концерт» держав на приемлемых для России условиях. Уже в декабре 1840 г. Нессельроде направил французскому правительству приглашение присоединиться к державам. Не исключено, что это было сделано для устрашения англичан, которые могли бы усмотреть в этом возможность заключения сепаратного русско-французского союза⁴⁶.

Инициатором нового соглашения по Востоку с участием Франции стал министр иностранных дел Великобритании. Эта встреча получила название Второй Лондонской конференции, она началась в январе 1841 г. в имении Пальмерстона, замке Бродленд. Державы были представлены своими послами в Лондоне, которые намеревались завершить урегулирование турецко-египетского кризиса принятием нового соглашения по Проливам. Позиция Николая I не изменилась — он настаивал на том, чтобы Проливы были закрыты для военных судов как в мирное, так и в военное время, и по-прежнему сопротивлялся против общего гарантирования европейскими державами целостности Турции. Позиция Бруннова во время подготовки второй Лондонской конвенции выглядела слабой. Он ничего не сделал для того, чтобы русские предложения были приняты. Единственно, чего добился Бруннов, — это разделение проблемы турецко-египетского урегулирования и вопроса о Проливах на два разных документа⁴⁷. Первый вопрос регулировался протоколом, второй — конвенцией. «Я наблюдаю и выжидаю, — доносил Бруннов в Петербург весной 1841 г. — Не буду ни помогать, ни мешать подписанию заключительного акта. Если Великобритания решит его заключить, я сделаю то же самое»⁴⁸. Подобное следование в фарватере английских интересов можно объяснить только ожиданием скорого заключения русско-английского акта, который был бы направлен против Франции. Хотя надежды российского правительства на заключение русско-английского союза не сбылись, но общий фон отношений между державами стал явно более благоприятным: противостояние России с «морскими державами» уже не было столь острым. Только когда Мухаммед Али сообщил о принятии султанского фермана, что означало завершение кризиса в отношениях султана и паши, переговоры возобновились для решения проблемы режима Проливов.

Уже в начале марта 1841 г. был составлен и парафирован новый общий договор между Англией, Францией, Россией, Австрией, Пруссией и Турцией, но окончательное его подписание задержалось на четыре месяца. В лондонском здании Форин оффис 1(13) июля 1841 г. — ровно через год после подписания первой — представители пяти европейских держав с одной стороны и Турции — с другой, подписали текст Второй лондонской конвенции. Конвенцию подписали: чрезвычайный посланник и полномочный министр барон Ф. И. Бруннов — от России, чрезвычайный и полномочный посол князь Павел Эстергази де Галант и уполномоченный барон Ф. Нейман — от Австрии, статс-секретарь по иностранным делам Великобритании лорд Пальмерстон, поверенный в делах от Франции барон Ф. А. Буркене, чрезвычайный посланник и полномочный министр Г. В. Бюлов — от Пруссии и Хекиб-эфенди, представлявший Турцию при британском дворе. В первой статье документа говорилось об обязательстве султана «соблюдать древнее правило его империи... в силу коего всегда было воспрещено военным судам иностранных держав входить в проливы Дарданелл и Босфора, и пока Порты находится в мире, его султанское величество не допустит ни одного военного иностранного судна в сказанные Проливы»⁴⁹. Таким образом, первая же статья конвенции утверждала правило закрытия Проливов. Мелкие военные суда, находящиеся в распоряжении посольств европейских держав в средиземноморском бассейне, имели право пройти через Босфор и Дарданеллы при наличии специального фермана Порты. В дополнение к этому Бруннов настоял на возможности прохода через Проливы для

⁴⁶ Михайлов В. Б. Указ. соч., с. 336–337.

⁴⁷ Кудрявцева Е. П., Пономарев В. Н. Указ. соч., с. 133, 134.

⁴⁸ Цит. по: Георгиев В. А. Указ. соч., с. 186.

⁴⁹ Юзефович Т. Договоры России с Востоком..., с. 102.

судов Черноморского флота, которые были приписаны к российской миссии в Афинах⁵⁰.

Итак, закрытие Проливов для военных судов всех стран было объявлено Лондонской конвенцией от 1841 г. Прежде всего, этого добивалось английское правительство, целью которого было не допустить русский военный флот в Константинополь и Средиземное море. Цель эта была достигнута путем явного вмешательства во внутренние дела Турции, ранее вполне свободно распоряжавшейся своим «древним правом» пускать или запрещать вход в Проливы судам других государств. Теперь же это право было изменено во имя коллективного надзора не только над внешней, но и внутренней политикой Османской империи. Британская историография подчеркивает тот факт, что подписание конвенций стало триумфом Пальмерстона, который использовал все средства для достижения цели. При этом английский историк М. Андерсон полагает, что в результате лондонских договоренностей Россия ничуть не проиграла, поскольку ее южные пределы были надежно защищены от внезапного нападения⁵¹. В свою очередь, американский исследователь Дж.П. Ле Донн, подчеркивая тот факт, что соглашение 1841 г. явилось победой Великобритании, в отличие от Андерсона считает принятые условия поражением России⁵². В результате закрытие Проливов «впервые вошло составной частью в европейское право», что было обеспечено Англией, сделавшей для этого больше, чем другая держава, «обойдя по ходу дела Россию и унизив Францию»⁵³. Как показали дальнейшие события, Лондонские соглашения стали для британского правительства очередным шагом по наращиванию своего влияния в Турции.

В Петербурге, однако, преобладали другие настроения. В годовом отчете МИД, представленном императору, Нессельроде писал: «Лондонская конвенция не преследовала никакой другой цели, как только запрет пребывания в Черном море других военных судов, кроме наших, и эта гарантия безопасности, которая была нам дана в 1833 г. только на 8 лет и не признанная другими кабинетами, стала законной и всеобщей»⁵⁴. Поистине Нессельроде видел только то, что хотел видеть. Следуя логике вице-канцлера, Лондонская конвенция была подписана исключительно ради выгод России, охраняя вход в Черное море для неприятельских судов! Глава российского МИД пытался уверить императора в том, что конвенции служат на пользу Восточной политике России, продлевая все выгоды и преимущества Ункяр-Искеле сийского договора, теперь подтвержденного подписями ведущих европейских держав. Подобное ослепление Нессельроде трудно объяснить, если не учитывать его общих проевропейских настроений. По мнению императора и его вице-канцлера, главным достижением конвенций стало закрытие Проливов для военных судов европейских стран. Однако то, что Проливы оказались закрыты и для России, почему-то не привлекло внимания искушенных политиков, каковыми, несомненно, являлись Николай I и Нессельроде. Вероятно, прежде всего их занимал принцип закрытия Проливов в мирное время, поскольку в случае войны Турция, сама не воюющая с Россией, не пропустит в Черное море военные суда европейских стран. Таким образом, вариант войны, в которой наряду с европейскими странами принимала бы участие и сама Турция, в Петербурге не рассматривался как неправдоподобный.

Результат двух конвенций был неутешительным для России: русский флот был заперт в Черном море; безопасность южных границ государства ничем не обеспечивалась в случае войны России с Турцией и третьими державами, а главное – был создан прецедент вмешательства нечерноморских держав в русско-турецкие отношения,

⁵⁰ Горяинов С. Указ. соч., с. 75–76.

⁵¹ Anderson M. Op. cit., p. 96–97.

⁵² Le Donne J. Op. cit., p. 125.

⁵³ Цит. по: Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы, с. 211.

⁵⁴ Цит. по: Георгиев А.В. Указ. соч., с. 187.

ранее подлежавшие решению двух причерноморских империй⁵⁵. Несмотря на, казалось бы, очевидно негативные результаты принятых решений для дальнейшей русской политики в ближневосточном регионе, как в отечественной, так и в зарубежной историографии присутствуют диаметрально противоположные оценочные позиции данного вопроса. При этом одни исследователи, оправдывающие необходимость принятия именно таких условий, акцентируют внимание на сложной внешнеполитической ситуации, грозившей России изоляцией в случае неприсоединения к общеевропейским соглашениям, а другие – и их большинство – анализируют долгосрочные последствия принятых решений для будущей политики России на Ближнем Востоке. При этом приверженцы как одной, так и другой точек зрения приводят весомые аргументы в свою пользу. Однако в основе оценки этих международных соглашений должен, на наш взгляд, лежать основополагающий принцип тщательного анализа последствий лондонских решений для всей дальнейшей ближневосточной и европейской политики России.

Начиная с С.С. Татищева дореволюционные исследователи дают резко негативную оценку Лондонским конвенциям, признавая, что вопрос о Проливах ими решался не в пользу России⁵⁶. По словам С.А. Жигарева, «Россия, очутившись запертою в Черном море со своим военным флотом, *de jure* получала ограждение своей безопасности на этом море, но *de facto* ничем не была гарантирована от произвола султана, который во всякое время мог нарушить... определение Лондонской конвенции... и разрешить проход через Проливы военным судам враждебных нам держав Запада»⁵⁷. При этом как Татищев, так и Б.Э. Нольде акцентируют внимание на том, что сама формулировка о «древнем правиле» Порты не пропускать военные суда через Проливы, была придумана Брунновым в ходе переговоров и не соответствует исторической действительности⁵⁸. Само определение «древнего правила» относится к капитуляциям 1534 г., когда Черное море являлось внутренним морем Османской империи, вход в который Порты могла запрещать по своему усмотрению. В XVIII в. Османская Порты каждый раз принимала самостоятельное решение по пропуску иностранных судов, чего она была решительно лишена по общему постановлению Лондонских договоров, оказавшись пострадавшей стороной невыгодного для нее политического решения. И Горяинов, и Нольде вслед за Татищевым повторяют тезис о том, что «страж проливов» получил право открыть дверь врагам России, находясь в войне хотя бы с одной из держав – при этом закрытие Проливов, столь желанное для России, отменялось, и Турции предоставлялась полная свобода действий⁵⁹.

Советская историография продолжила эту традицию. Юрист-международник Б.А. Дранов крайне отрицательно относится к результатам лондонских конвенций для русской политики, подчеркивая, что они привнесли «радикальное изменение международно-правовой природы Проливов», и это утверждение трудно опровергнуть⁶⁰. Автор поддерживает своих предшественников и отказывает Турции в приписываемом ей «древнем правиле» закрытия Проливов, о котором, по утверждению Дранова, впервые вспомнили при заключении англо-турецкого торгового договора 1809 г. В.Н. Виноградов присоединяется к этому мнению, обращая внимание на недооценку российским руководством глубины англо-русских противоречий и переоценку степени франко-британских разногласий⁶¹. В другом своем труде историк соглашается с тезисом о том, что «создавался прецедент вмешательства неприбрежных государств в решение вопросов, связанных с Черным морем», а российское правительство оказывалось «в

⁵⁵ Дранов Б.А. Указ. соч., с. 105.

⁵⁶ Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая I, с. 549.

⁵⁷ Жигарев С. Указ. соч., с. 458.

⁵⁸ Нольде Б.Э. Указ. соч., с. 85.

⁵⁹ Горяинов С. Указ. соч., с. 74; Нольде Б.Э. Указ. соч., с. 86

⁶⁰ Дранов Б.А. Указ. соч., с. 95.

⁶¹ Международные отношения на Балканах, с. 46.

полном проигрыше»⁶². Жёсткую позицию в характеристике Лондонских конвенций занял В. А. Георгиев, оценивший принятие этих решений как безусловное поражение России в ближневосточном регионе. Авторы коллективной монографии «Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в.» считают Лондонские конвенции «одним из переломных моментов в истории Восточного вопроса», поскольку сам принцип коллективной помощи Турции «открыл новую эпоху в истории дипломатических отношений европейских стран с Османской империей». При этом авторы подчеркивают невыгодность конвенций для России, отвечая интересам Великобритании, ее условия «ставили под вопрос безопасность Черноморского побережья»⁶³.

В последние годы в отечественной историографии наметилась тенденция к переоценке результатов Лондонских договоренностей. Ряд авторов не признаёт негативного воздействия конвенций на дальнейшее развитие ближневосточной политики России. При этом В. Н. Пономарёв осторожно соглашается с тем, что если подходить к действиям русского правительства «без особых предубеждений», то решение подписать Лондонские конвенции было взвешенным, вовсе не наносящим непоправимого ущерба безопасности страны решением, поскольку наихудшим положением была бы изоляция России при объединении других европейских стран по восточному вопросу⁶⁴. Новый подход к проблеме, по мнению В. Н. Пономарёва, «помогает приблизить нас к пониманию мотивов политики русского правительства в вопросе о Проливах»⁶⁵, несмотря на то, что конвенция 1841 г. отнюдь не создавала «абсолютную гарантию безопасности черноморского побережья страны»⁶⁶. Одновременно автор согласен с утверждением «об ослаблении влияния России на политику Османской империи, о существенных изъянах Лондонских конвенций, с точки зрения национальных интересов России». Позиция другого критика российской политики на Востоке, В. Б. Михайлова, основывается на ряде своеобразных утверждений. Так, например, этот автор ставит под сомнение положительную оценку итогов Ункяр-Искелесийского договора, который, по мнению исследователя, вызвал «побочные, совсем нежелательные для Петербурга эффекты» в виде вторжения «западных дипломатий в прежде едва ли не заповедную область русско-турецких отношений». Более того, по мнению автора, само наличие Ункяр-Искелесийского договора не дало России «сколько-нибудь устойчивого преобладания в Константинополе» и даже «заклучало в себе немалую потенциальную угрозу Черноморскому побережью» (?). При этом Михайлов утверждает, что закрытие Проливов, ставшее международным фактом после 1841 г., полностью отвечало интересам российского руководства, стремившегося обезопасить свои южные рубежи, и без этого соглашения «самостоятельная политика» России лишь могла завести ее «в тупик»⁶⁷. Более того, автор указывает на положительный эффект «нейтрализации» черноморской акватории для интересов Российской империи, т. е. на те ограничительные меры для российского флота, борьба с которыми стала основным содержанием всего 15-летнего периода, последовавшего после заключения Парижского мира 1856 г. В последнее время точку зрения В. Н. Пономарёва и В. Б. Михайлова поддерживает в своих работах В. Н. Виноградов, который в более ранних трудах выступал с позиции безусловного неприятия условий конвенций.

В приведенных мнениях следует, на наш взгляд, различать несколько аспектов проблемы, оценки которых могут быть различными. Во-первых, следует признать, что достаточно убедительным выглядит тезис о том, что вмешательство держав в рус-

⁶² Виноградов В. Н. Великобритания и Балканы, с. 212.

⁶³ Восточный вопрос..., с. 111–113.

⁶⁴ Кудрявцева Е. П., Пономарёв В. Н. Указ. соч., с. 138.

⁶⁵ Там же, с. 139.

⁶⁶ Кудрявцева Е. П., Пономарёв В. Н. Дипломатия и МИД России во второй четверти XIX в. – Очерки истории Министерства иностранных дел России, т. 1. 860–1917. М., 2002, с. 339.

⁶⁷ Михайлов В. Б. Указ. соч., с. 340.

ско-турецкие отношения и попытка решить Восточный вопрос в свою пользу, является непреложным фактом внешнеполитической ситуации, сложившейся к моменту подписания конвенций и вынуждавшей Россию действовать совместно с европейскими державами. С этим утверждением можно согласиться. Этот тезис, однако, отнюдь не ведет к механическому признанию позитивных для России результатов заключенных конвенций, подписанных под угрозой международной изоляции. Во-вторых, ставя под сомнение негативный результат формулы закрытия Проливов «в мирное время», трудно не заметить опасность, грозившую российским рубежам и Черноморскому флоту в период войны Турции с третьими странами, поскольку Проливы были закрыты лишь *de jure*. В-третьих, утверждая, что результат Ункяр-Искелесийского договора был для России «неосязаемым» вследствие невозможности прохода военных судов через Дарданеллы, апологеты Лондонских решений совершенно игнорируют важнейшую статью договора, предусматривавшую оказание морской помощи Турции со стороны России. Но ведь эта военная поддержка не могла быть предоставлена морскими силами России, минуя Босфорский пролив, т. е. вход русских судов в Босфор для помощи Турции прямо подразумевался статьями договора. Если прибавить к этому созданный конвенциями нежелательный прецедент вмешательства европейских держав в отношения причерноморских стран, признаваемый всеми без исключения авторами; учесть эффект подчинения Порты общеевропейскому международно-правовому режиму взамен самостоятельно принимаемых османским правительством решений открывать Проливы по своему усмотрению, то все указанные аспекты заставляют признать результаты Лондонских конвенций по крайней мере неоднозначными.

Оценивая долгосрочную перспективу принятых в Лондоне решений, трудно аргументированно доказать их положительное влияние на развитие восточной политики России. При этом Крымская война явилась лишь ближайшим – но далеко не последним – результатом европейских соглашений, принятых с целью разрешения осложнившихся к тому времени противоречий держав на фоне разразившегося Восточного кризиса, который вовлек в свою орбиту все заинтересованные международные силы. Учитывая непреходящий интерес к этому международно-правовому соглашению в связи со значимостью роли Черноморских проливов в политико-экономическом развитии Ближневосточного и Причерноморского регионов, можно полагать, что результаты Лондонских конвенций еще не раз привлекут внимание исследователей и будут анализироваться как историками, так и юристами-международниками.